

ОКТАБРЬ - 2014

МАКАРЬЕВСКИЙ ЛИСТОК □ 89

ИВАН ГРОЗНЫЙ ***Злодей или гений?***

Митрополит Иоанн (Снычев)

Се бо Бог помогает ми... История царствования как она есть

ФИГУРА ЦАРЯ Иоанна IV Васильевича Грозного (1530—1584) и эпоха его царствования как бы венчают собой период становления русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились и оформились взгляды русского народа на самое себя, на свою роль в истории, на цель и смысл существования, на государственные формы народного бытия.more-->

Царствование Иоанна IV протекало бурно. Со всей возможной выразительностью ее течение обнажило особенность русской истории, состоящую в том, что ее ход имеет в основе не "баланс интересов" различных сословий, классов, групп, а понимание общего дела, всенародного служения Богу, религиозного долга.

Началось царствование смутой. Будущий "грозный царь" вступил на престол будучи трех лет от роду. Реальной властительницей Руси стала его мать — Елена, "чужеземка литовского, ненавистного рода", по словам Карамзина. Ее недолгое (четыре года) правление было ознаменовано развратом и жестокостью не столько личными, сколько проистекавшими из нравов и интриг ближних бояр — бывших удельных князей и их приближенных:

По старой удельной привычке каждый из них "тянул на себя", ставя личные интересы власти и выгоды выше общенародных и государственных нужд. Численно эта

беспринципная прослойка была ничтожна, но после смерти Елены, лишившись последнего сдерживающего начала, ее представители учинили между собой в борьбе за власть погром, совершенно расстроивший управление страной. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре, по словам Ключевского", повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных фамильных счетов, а не за какой-нибудь государственный порядок".

В 1547 году сгорела Москва. Пожар и последовавший за ним всенародный мятеж потрясли юного Иоанна. В бедствиях, обрушившихся на Россию, он увидел мановение десницы Божией, карающей страну и народ за его, царя, грехи и неисправности. Пожар почти совпал по времени с венчанием Иоанна на царство.

Церковное Таинство Миропомазания открыло юному монарху глубину мистической связи царя с народом и связанную с этим величину его религиозной ответственности. Иоанн осознал себя "игуменом всея Руси". И это осознание с того момента руководило всеми его личными поступками и государственными начинаниями до самой кончины. Чтобы понять впечатление, произведенное на царя помазанием его на царство, надо несколько слов сказать о происхождении и смысле чина коронации (4).

Чин коронации православных монархов известен с древнейших времен. Первое литературное упоминание о нем дошло до нас из IV века, со времени императора Феодосия Великого. Божественное происхождение царской власти не вызывало тогда сомнений. Это воззрение на власть подкреплялось у византийских императоров и мнением о Божественном происхождении самих знаков царственного достоинства. Константин VII Порфирогенит (913-959) пишет в наставлениях своему сыну: "Если когда-нибудь хазары или турки, или россы, или какой-нибудь другой из северных и скифских народов потребует в знак рабства и подчиненности присылки ему царских инсигний: венцов или одежд, то должно знать, что эти одежды и венцы не людьми изготовлены и не человеческим искусством измышлены и сделаны, но в тайных книгах древней истории писано, что Бог, поставив Константина Великого первым христианским царем, через ангела Своего послал ему эти одежды и венцы".

Исповедание веры составляло неременное требование чина коронации. Император сначала торжественно возглашал его в церкви, и затем, написанное, за

собственноручной подписью, передавал патриарху. Оно содержало Православный Никео-Царьградский Символ Веры и обещание хранить апостольское предание и установления церковных соборов.

Богу было угодно устроить так, что преемниками византийских императоров стали русские великие князья, а затем цари. Первые царские инсигнии получил Владимир Святой "мужества ради своего и благочестия", по словам святого митрополита Макария.

Произошло это не просто так — "таковым дарованием не от человек, но по Божьим судьбам неизреченным претворяюще и преводяще славу греческого царства на российского царя". Сам Иван Грозный полностью разделял этот взгляд на преемственность Русского царства. Он писал о себе: "Государь наш зоветца царем потому: прародитель его великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и патриарх венчали его на царство, и он писался царем".

Чин венчания Иоанна IV на царство не сильно отличался от того, как венчались его предшественники. И все же воцарение Грозного стало переломным моментом: в становлении русского народа — как народа-богоносца, русской государственности — как религиозно осмысленной вероохранительной структуры, русского самосознания — как осознания богослужебного долга, русского "воцерковленного" мироощущения — как молитвенного чувства промыслительности всего происходящего. Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя.

Дело в том, что Грозный стал первым Помазанником Божиим на русском престоле. Несколько редакций дошедшего до нас подробного описания чина его венчания не оставляют сомнений: Иоанн IV Васильевич стал первым русским государем, при венчании которого на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания.

Помазание царей святым миром (благовонным маслом особого состава) имеет свое основание в прямом повелении Божиим. Об этом часто говорит Священное Писание, сообщая о помазании пророками и первосвященниками ветхозаветных царей в знак дарования им особой благодати Божией для богоугодного управления народом и царством. Православный катехизис свидетельствует, что "миропомазание есть таинство, в котором верующему при помазании священным миром частей тела во имя Святаго Духа, подаются дары Святаго Духа, возвращающие и укрепляющие в жизни духовной".

Над каждым верующим это таинство совершается лишь единожды — сразу после крещения. Начиная с Грозного, русский царь был единственным человеком на земле, над кем Святая Церковь совершала это таинство дважды — свидетельствуя о благодатном даровании ему способностей, необходимых для нелегкого царского

служения.

Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устройства.

Послушаем Карамзина: "Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно кааялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Тайн. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собрались — и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиною воинскою, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании.

Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: "Святой владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели обо мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии несправедливые! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилось? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!"

Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: "Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет; оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианскою. Отныне я судия ваш и защитник".

В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем Судии небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялись между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока...".

Повелением царским был составлен и введен в действие новый судебник. С целью всероссийского прославления многочисленных местночтимых святых и упорядочения жизни Церкви Иоанн созвал подряд несколько церковных соборов, к которым самолично составил список вопросов, требовавших соборного решения. В делах царя ближайшее участие принимали его любимцы — иерей Сильвестр и Алексей Адашев,

ставшие во главе "Избранной Рады" — узкого круга царских советников, определявших основы внутренней и внешней политики.

В 1552 году успешно закончился "крестовый" поход против казанских татар. Были освобождены многие тысячи христианских пленников, взята Казань, обеспечена безопасность восточных рубежей. "Радуйся, благочестивый Самодержец, — прислал гонца Иоанну князь Михаил Воротынский, — Казань наша, царь ее в твоих руках; народ истреблен, кои в плену; несметные богатства собраны. Что прикажешь?" "Славить Всевышнего", — ответил Иоанн. Тогда же он обрел прозвище "Грозный" — то есть страшный для иноверцев, врагов и ненавистников России. "Не мочно царю без грозы быти, — писал современный автор. — Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы".

Счастлирое течение событий прервалось в 1553 году тяжелой болезнью молодого царя. Но страшнее телесного недуга оказываются душевные раны, нанесенные теми, кому он верил во всем, как себе. У изголовья умирающего Иоанна бояре спорят между собою, деля власть, не стесняясь тем, что законный царь еще жив. Наперсники царские — Сильвестр и Адашев — из страха ли, или по зависти, отказываются присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Дмитрию. В качестве кандидатуры на престол называется двоюродный брат царя — князь Владимир Андреевич. Россия оказывается на грани нового междоусобного кровопролития. "В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти видел непослушание, строптивость в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчаный славою, должен был смиренно молить тех, которые еще оставались ему верными, чтобы они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании", — говорит М. В. Толстой. И все же — "Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра... исполненный милости ко всем боярам". Царь всех простил! Царь не помнил зла. Царь посчитал месть чувством, недостойным христианина и монарха.

Выздоровление Иоанна, казалось, вернуло силы всей России. В 1556 году русское войско взяло Астрахань, окончательно разрушив надежды татар на восстановление их государственной и военной мощи на Востоке. Взоры царя обратились на Запад. Обеспечив мир на восточной границе, он решил вернуть на Западе древние славянские земли, лишив Ватикан плацдарма для военной и духовной агрессии против Руси. Но здесь его поджидало новое разочарование. Измена приближенных во время болезни, как оказалось, вовсе не была досадной случайностью, грехопадением, искупленным искренним раскаянием и переменой в жизни.

"Избранная Рада" воспротивилась планам царя. Вопреки здравому смыслу она настаивала на продолжении войны против татар — на этот раз в Крыму, не желая понимать, что само географическое положение Крыма делало его в те времена неприступной для русских полков крепостью. Сильвестр и Адашев надеялись настоять на своем, но царь на этот раз проявил характер. Он порвал с "Избранной Радой", отправив Адашева в действующую армию, а Сильвестра — в Кирилло-Белозерский монастырь, и начал войну на Западе, получившую впоследствии название Ливонской. Вот как рисует Карамзин портрет Иоанна того времени:

"И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: "Обычай Иоанна есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: "Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!" Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его.

Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских... Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: "Ты еси царь правды!" И ответствовать с умилением: "Се аз и люди яже дал ми еси Ты!"

Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. "Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом, и добродетелью; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: "Иди!" — и боярин бежит; изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения.

Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся, и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!"

Честно говоря, трудно понять, как после подобных описаний тот же Карамзин мог изобразить дальнейшее царствование Иоанна в виде кровавого безумия, а самого царя рисовать настоящим исчадием ада.

С высылкой предводителей боярской партии интриги не прекратились. В 1560 году при странных обстоятельствах умерла супруга Иоанна — кроткая и нищелюбивая Анастасия. Возникли серьезные опасения, что царицу отравили, боясь ее влияния на царя, приписывая этому влиянию неблагоприятное (для бывших царских любимцев) развитие событий. Кроме того, смерть царицы должна была по замыслу отравителей положить конец и высокому положению при дворе ее братьев, в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть.

Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам — Адашеву и Сильвестру. И снова Иоанн, вопреки очевидности, пощадил жизнь заговорщиков. Сильвестр был сослан на Соловки, а Алексей Адашев взят под стражу в Дерпте, где и умер вскоре естественною смертью от горячки, лишив будущих историков возможности лишний раз позлословить о "терроре" и "жестокости царя".

Позднее Иоанн так описывал эти события: "Ради спасения души моей приблизил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне поспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять царством без царя, им презираемого. Они снова вселили дух своевольтва в бояр, раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками... (Царю) запрещают ездить по святым обителям; не дозволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжелой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, помимо сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорблениями: ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. И так удивительно ли, что я решился наконец не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?" (5).

Верный привычке решать дело по возможности миром, царь ограничился ссылкой Сильвестра и Адашева, не тронув более никого из их приверженцев. Надеясь разбудить совесть, он лишь потребовал от "всех бояр и знатных людей" клятвы быть верными государю и впредь не измышлять измен. Все присягнули. И что же? Князь Дмитрий Вишневицкий, воевода юга России, бросил ратников и перебежал к Сигизмунду, врагу Иоанна. Не ужившись с литовцами, переметнулся в Молдавию, вмешался там по привычке в интриги вокруг молдавского господаря Стефана, был схвачен и отправлен в Стамбул, где султан казнил его как смутьяна и бунтовщика. Так отплатил князь за доверие своему царю. Да если бы он один!

В 1564 году доверенный друг Иоанна, князь Андрей Курбский, наместник царя в Дерпте, тайно, ночью, оставив жену и девятилетнего сына, ушел к литовцам. Мало того, что он изменил царю, — Курбский предал родину, став во главе литовских отрядов в войне с собственным народом. Подлость всегда ищет оправдания, стараясь изобразить себя стороной пострадавшей, и князь Курбский не постеснялся написать царю письмо, оправдывая свою измену "смятением горести сердечной" и обвиняя Иоанна в "мучительстве".

Насколько правдивы обвинения Курбского, видно хотя бы на примере взаимоотношений царя и святого Германа Казанского. Курбский рассказывает, что Герман был соборно избран митрополитом, но между ним и Иоанном произошел разрыв по поводу опричнины. В беседе с царем наедине (!) святитель якобы "тихими и кроткими словесы" обличил царя и тот двумя днями позже велел его то ли удушить, то ли отравить. На самом деле в современных событиях источниках нет никаких следов избрания Германа на митрополию. Наоборот, 25 июля 1566 года [Казанский](#) святитель участвовал в поставлении святого Филиппа митрополитом. А умер он 6 ноября 1567 года, благополучно прожив в мире и покое полтора года после своего "удушения" (6). Клеветой оказывается и утверждение князя о том, что по указанию царя был раздавлен с помощью какого-то ужасного приспособления преподобный Корнилий Псковский со своим учеником Вассианом Муромцевым. На все эти ужасы нет и намек ни в одном из дошедших до нас письменных свидетельств, а в "Повести о начале и основании Печерского монастыря" о смерти преподобного (случившейся, вероятно, в присутствии царя) сказано: "От тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище". Надо обладать буйной фантазией, чтобы на основании этих слов сделать выводы о "казни" преподобного Иоанном IV.

Мало того, из слов Курбского вытекает, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись

же на гробнице о времени смерти преподобного указывает дату 20 февраля 1570 года. Известно, что в этот самый день святой Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково — потому-то и говорит "Повесть" о том, что подвижник был "предпослан" царем в "вечное жилище" (7). Но для Курбского действительное положение дел не имело значения. Ему важно было оправдать себя и унижить Иоанна *

* Не считая "обличительных" писем, Курбский написал "Историю князя великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими", где продолжал клеветать на царя.

Царь ответил изменнику так: "Во Имя Бога Всемогущего, Того, Кем живем и движемся, Кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому... Почто, несчастный, губишь душу изменою, спасая брненное тело бегством? Я читал и разумел твое послание. Яд аспида в устах изменника — слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы не излишно миловали вас, недостойных... Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим "сильных во Израиле"; их кровью не обагрям церковей Божиих; сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их?.. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует... Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, диавол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде Господня держава, и в сей, и в будущей жизни!.. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовью, с прощением, а не со злобою" (8).

История рассудила, кто прав в этом споре царя со своим бывшим советником. Труды Иоанна Васильевича завершили сложение России — сложение столь прочное, что и восемь лет злополучной Смуты (1605—1613), новые измены боярские, походы самозванцев, католическая интервенция и раскол церковный не смогли разрушить его.

"Обласканный Сигизмундом" [Курбский](#), по словам Карамзина, "предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию..., убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана, — и скоро услышали в Москве, что 70 000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Дивлет Гирей с 60 000 хищников вступил в Рязанскую область..."

Терпеть далее такое положение вещей было нельзя. Оно грозило не царю — под угрозой оказывалось существование России. После долгих и мучительных колебаний Иоанн Грозный принял единственно возможное для христианина решение: вынести дело на всенародный суд. Царь прекрасно понимал, что заставить человека нести "Божие тягло" силой — нельзя. Можно добиться внешней покорности, но принять на себя "послушание", осмысленное как религиозный долг, человек должен добровольно. Народ русский должен был решить сам: желает ли он быть народом-богоносцем, хранителем Истины и жизни Православия — или отказывается от этого служения. Согласен ли народ нести все тяготы, искушения и соблазны, грозящие ему на этом пути, по слову Писания: "Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение; управи сердце твое и потерпи" (Сир. 2:1-2)? И русский народ ответил царю: "Да!"

В начале зимы 1564 года Иоанн Васильевич покинул Москву в сопровождении верных ему ближних бояр, дворян и приказных людей "выбором изо всех городов" с женами и детьми. "Третьего декабря рано явилось на Кремлевской площади множество саней, — рассказывает Карамзин. — В них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты... Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения: он пришел и велел митрополиту служить обедню: молился с усердием, принял благословение... милостиво дал целовать руку свою боярам, чиновникам, купцам: сел в сани с царицею, с двумя сыновьями..." — и уехал из Москвы.

Поездив по окрестным монастырям, побывав у Троицы, царь к Рождеству остановился в Александровской слободе, в 112 верстах от Москвы. Народ ждал, чтобы Иоанн объяснил свое странное поведение. Царь не заставил себя ждать долго.

3 января нового 1565 года в Москву прискакал гонец Константин Поливанов. Он вез две царские грамоты. В одной из них, врученной послом митрополиту Афанасию, Грозный описывал все измены, мятежи и неурядицы боярского правления, сетовал на невозможность в таких условиях нести служение царя и заключал, что "не хотя многих изменных дел терпети, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь". В другой грамоте, адресованной московскому простонародью, купцам, всем тяглым людям и всенародно читанной на площади, Иоанн объявлял, чтобы русские люди сомнения не держали — царской опалы и гнева на них нет.

Царь не отрекался от престола, сознавая ответственность за народ и за страну. Он как бы спрашивал: "Желаете ли над собой меня, Русского Православного Царя, Помазанника Божия, как символ и знак своего избранничества и своего служения?"

Готовы подклониться под "иго и бремя" Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счета?" Воистину, это был один из наиболее драматических моментов русской истории. "Все замерло, — говорит Ключевский, — столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли..." Странное, на первый взгляд, поведение царя на самом деле было глубоко русским, обращалось к издавна сложившимся отношениям народа и власти * .

* Даже такой историк, как Альшиц, вынужден заметить, что "власть московского царя держалась тогда на основаниях скорее духовных, чем материальных: на традиции подчинения подданных великокняжеской власти... на поддержке со стороны Церкви". Русский царь не мог и не хотел править силой. Он желал послушания не "за страх", а за «совесть».

Когда первое оцепенение москвичей прошло, столица буквально взорвалась народными сходками:

"Государь нас оставил, — вопил народ. — Мы гибнем. Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменниками? Как могут быть овцы без пастыря?" Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умиловил Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: "Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка. Богом данный: иного не ведаем. Мы все с своими головами едем за тобою бить челом и плакаться".

То же говорили купцы и мещане, прибавляя: "Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!" Митрополит хотел немедленно ехать к царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопишемом смятении.

Все дела пресеклись: суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами святителя Новгородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты: Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за духовенством вельможи, князь Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, — все бояре, окольничие, дворяне и приказные люди прямо из палат митрополитовых, не заехав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы ударить челом государю и плакаться".

Народ сделал свой выбор. Осознанно и недвусмысленно он выразил свободное согласие "сослужить" с царем в деле Божиим — для созидания России как "Дома Пресвятой Богородицы", как хранительницы и защитницы спасительных истин Церкви.

Царь понял это, 2 февраля торжественно вернулся в Москву и приступил к обустройству страны.

Первым его шагом на этом пути стало учреждение опричнины. Само слово "опричина" вошло в употребление задолго до Ивана Грозного. Так назывался остаток поместья, достаточный для пропитания вдовы и сирот павшего в бою или умершего на службе воина. Поместье, жаловавшееся великим князем за службу, отходило в казну, опричь (кроме) этого небольшого участка.

Иоанн Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые должны были быть изъяты из привычной схемы административного управления и переходили под личное и безусловное управление царя, обеспечивая материально "опричников" — корпус царских единомышленников, его сослуживцев в деле созидания такой формы государственного устройства, которая наиболее соответствует его религиозному призванию. Есть свидетельства, что состав опричных земель менялся — часть их со временем возвращалась в "земщину" (то есть к обычным формам управления), из которой, в свою очередь, к "опричнине" присоединялись новые территории и города. Таким образом, возможно, что через сито опричнины со временем должна была пройти вся Россия.

Опричина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга.

Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знаменем Честного и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный.

Как некогда богатырство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал царь от опричников, требовал лишь верности, говоря: "Ино по

грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды".

Проворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников; "они ездили всегда с собачьими головами и метлами, привязанными к седлам, — пишет Карамзин, — в ознаменование того, что грызут лиходеёв царских и метут Россию".

Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Иоанна IV. Опричные полки сыграли заметную роль в отражении набегов Дивлет-Гирея в 1571 и 1572 годах, двумя годами раньше с помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от России под власть Литвы и питавшиеся, вероятно, ересью "жидовствующих", которая пережила все гонения.

В 1575 году, как бы подчеркивая, что он является царем "верных", а остальным "земским" еще надлежит стать таковыми, пройдя через опричное служение, Иоанн IV поставил во главе земской части России крещеного татарина — касимовского царя Семена Бекбулатовича. Каких только предположений не высказывали историки, пытаясь разгадать это "загадочное" поставление! Каких только мотивов не приписывали царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец, просто "прихоть тирана"... Не додумались лишь до самого простого — до того, что Семен Бекбулатович действительно управлял земщиной (как, скажем, делал это князь-кесарь Ромодановский в отсутствие Петра 1), пока царь "доводил до ума" устройство опричных областей.

Был в этом "разделении полномочий" и особый мистический смысл. Даруя Семену титул "великого князя всея Руси", а себя именуя московским князем Иваном Васильевым, царь обличал ничтожество земных титулов и регалий власти перед небесным избранничеством на царское служение, запечатленным в Таинстве Миропомазания. Он утверждал ответственность русского царя перед Богом, отрицая значение человеческих названий.

Приучая Русь, что она живет под управлением Божиим, а не человеческим, Иоанн как бы говорил всем: "Как кого ни назови — великим ли князем всея Руси или Иванцом

Васильевым, а царь, помазанник Божий, отвечающий за все происходящее здесь — все же я, и никто не в силах это изменить".

Так царствование Грозного царя клонилось к завершению. Неудачи Ливонской войны, лишившие Россию отвоеванных было в Прибалтике земель, компенсировались присоединением бескрайних просторов Сибири в 1579—1584 годах. Дело жизни царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования, Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничества — осознан. В 1584 году царь мирно почил, пророчески предсказав свою смерть *. В последние часы земной жизни сбылось его давнее желание — митрополит Дионисий постриг государя, и уже не Грозный царь Иоанн, а смиренный инок Иона предстал перед Всевышним Судией, служению Которому посвятил он свою бурную и нелегкую жизнь.

* Одним из пунктов завещания Иоанна было указание освободить всех военнопленных.